

реконструкции этих образов — описания, в частности описания речевые, хотя они же могут быть и зрительными, и объемно ощущаемыми. Таково, например, «отражение» в горном массиве Мандинга, в частности в районе деревни Каласа или деревни Гема (округ Сиби), где ландшафт с необычайной игрой естественных объемов задает рамки жизненного процесса и мироощущения.

Вот почему для «текстуализации», перевода образа в текст так полезны, например, навыки рисования или фотографирования. Это перевод многомерного образа в исчислимый, выстроенный по некоторой логике «поток». Именно так формируется текст. Именно так строится речь, передается информация.

Таким естественно сложившимся способом текстуализации жизни, передачи информации является язык. Именно этот разговорный инструмент общения (традиций письменности у бамбара фактически нет) выступает для меня главным критерием адекватности в сочетании с фиксированными многолетним опытом прямого взаимодействия совпадениями и несовпадениями «отражений» различного плана и содержания.

Собственно, это как раз методологическое требование ленинградской школы африканистики, восходящее к классической востоковедной историко-филологической науке: знание языка изучаемых культур и народов. Причем «язык» в общепринятом нами словопотреблении в связи с филологией и лингвистикой, пожалуй, главная относительно достоверно верифицируемая знаковая система, связанная с отражением и являющаяся информационным потоком, равно как и определенным диалогом «субъекта» и «реальности». Здесь либо есть совпадение кодов (диалог возможен), либо его нет.

Общие черты — особая историческая миссия бамбара

Как уже не раз подчеркивалось, бамбара — типичный земледельческий этнос зоны саванн. Рефлексирующая составляющая в совокупности проявлений этничности едва ли не является решающей. Это качественно важный момент самосознания, когда «общность в себе» становится «общностью для себя». Сколь ни важно единство языка, культуры, происхождения, только пройдя через осознание этого самими вовлеченными в отношения людьми, оно становится фактором целеположенных нормативных действенных форм организации и поведения людей. У бамбара это происходит довольно поздно по сравне-

нию с родственными малинке и сонинке и сопряжено с образованием влиятельного раннегосударственного образования типа «мара» с центром в Сегу, т.е. на востоке ареала родственных в языковом и культурном отношении групп региона, в середине — конце XVII в.

Из всех возможных семантических интерпретаций самоназвания бамбара — «бамана» — наиболее достоверной представляется «объединители», как производное от глагола «ка а бама» с образованием имени деятеля «бама + на/ла», т.е. «укреплять, притягивать» -> «собира- тель». Во всяком случае это более достоверно, чем усвоение чуждого по происхождению внешнего (и к тому же «фиктивного») этнонима «бамбара» («варвар», «язычник»), о чем пишут некоторые авторы прошлого и наших дней. Хотя «схождение» семантик полностью исключить нельзя. В то же время следует отметить, что самоидентификация бамбара в признаваемом в качестве этнонима слове «бамана» имеет весьма любопытную смысловую производную, семантика которой определяется местом самого слова в синтагматических конструкциях, например перед личными именами: «бамана Н'Чи» — «уважае- мый Н'Чи», «почтенный Н'Чи». Соответственно, в форме обращения «бамана-у!» («бамбара» — мн. число) будет содержаться «уважаемые!», «почтенные!» [люди]. Впрочем, первичность или вторичность такого рода семантики требует более пристального внимания. Здесь же на- помню словоупотребительную близость «бамана» и «сенекела» («зем- леделец»). Часто эти слова могут выступать как синонимы для обо- значения «бамбара», хотя и с несколько разных сторон указывающие на само явление. В любом случае подобные семантические коннота- ции говорят и о престиже земледелия в бамбарской среде и о высоком статусе в сознании бамбара единоподобия собственному образу и коду существования: «ты такой, как мы, по одному этому ты достоин ува- жения» -> «подобный нам», «один из нас». Вот это состояние подо- бия, части множества, близкого в русской семантике к словам ряда «другой -> друг -> дружба», выступает весьма важным в социальном мироощущении бамбара, определяя поведение отдельного члена об- щества как части целого и кодово близкого подразделения целого по отношению к «полному целому» — макросистеме общественного су- ществования, всей популяции региона, всего социоприродного кон- тинуума Западного Судана. В немалой степени эти представления на- поминают, а возможно, так или иначе и воспроизводят принципы сиблинговой связи в половозрастных стратификациях — принципы социального (и культурного) тождества. В чем-то в свою очередь это может напоминать «классическую» универсалию этнографии: знако-

вое разделение на «своих» и «чужих» в процессе становления и номинации этносов.

Что касается бамбара, то у них есть полная убежденность в самоценности, безусловное собственное достоинство, но и — открытость, склонность к диалоговому взаимодействию. По историческим сведениям и живым полевым материалам можно утверждать, что представителям этого этноса свойственна публичная деятельность, служение, идеальная детерминация действий во имя более широкой общности-целостности, к которой сами они могут принадлежать наряду с подобными себе либо отличающимися, но не более чем части целого, общего по основанию. Впрочем, с предложенной интерпретацией семантики и словоупотребления «бамана» как «собиратели/сопрягатели» это вполне созвучно.

В то же время можно утверждать, что самовосприятие бамбара, включающее элементы осознанных мессианских функций, не противоречит реально «отыгранным» и по-прежнему продолжающимся ролям этого обширного и сравнительно молодого этноса в истории и текущей жизни региона и Республики Мали.

Однако если самосознание — важный элемент этнической составляющей мировосприятия, «контекстуализации» общества в текущих жизненных процессах, то оно выступает лишь весьма частным моментом в совокупности различных сторон отражения, построения вербализованных и невербализованных картин мира, его ощущений, моделей, алгоритмов поведения в мире реальном.

Структуры реализации рефлексивной функции общества

Отражение как особое свойство имманентно присуще человеческой природе. Принимая же во внимание социальный характер человеческого существования, его принципиальную предопределенность общественными формами, есть основание говорить о социальной составляющей отражения, его соответствующей организации, способах, кодах отражения, характере самой информации, предмете отражения и т.п.

Именно высокая степень включенности бамбара в природные процессы, ориентация общества на согласованность с ними, следование им в осознанных, интуитивных, эксплицитных и имплицитных формах характеризуют и всю систему отражения этого этноса (как культурного множества со специфическими кодами, иерархией и со-